

РИСКИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕТАМОРФОЗ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.11
EDN: SOSOTI

Об особенностях мотиваций специалистов IT-отрасли в условиях кризиса

Ссылка для цитирования: Лебедева О. Н., Подлесная М. А. Об особенностях мотиваций специалистов IT-отрасли в условиях кризиса // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 213–234. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.11; EDN: SOSOTI.

For citation: Lebedeva O. N., Podlesnaia M. A. Peculiarities of motivations of IT specialists in crisis conditions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 213–234. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.11; EDN: SOSOTI.

SPIN-код: 5093-5392

Лебедева Ольга Николаевна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

aka.sonja@gmail.com

SPIN-код: 3556-0353

Подлесная Мария Александровна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

yamap@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ данных качественного исследования, проведенного авторами в момент «ситуации–испытания», то есть начавшейся СВО и последовавших антироссийских рестрикций, среди IT-специалистов и технопредпринимателей, перед которыми встал выбор: остаться в России или переехать вслед за работодателем (или со своим бизнесом) в другую страну. В качестве теоретического базиса исследования использовалась теория градов Л. Болтански и Л. Тевено, которая позволила выявить соответствующие реакции на возникшую «ситуацию–испытание», с аргументированной критикой и оправданием, с представлениями о справедливости, а также выделить основные мотивы, способствующие переезду или, напротив, приводящие к отказу от него. В статье предпринимается попытка выявить связь между реакцией на «ситуацию–испытание» и тем, какое в итоге действие (релокация или отказ от нее) совершалось респондентами. Авторами было собрано 52 исследовательских материала, из которых 42 – глубинные интервью с IT-специалистами релокантами (22) и оставшимися в России (20), еще 10 – собранные в публичном пространстве, в личной переписке интервью, высказывания, посты, выступления ведущих технопредпринимателей, живущих

и работающих как в России, так и переехавших в связи с СВО за рубеж. В результате анализа собранных данных авторами сделаны следующие выводы: гомогенная по ряду признаков группа IT-специалистов кластеризуется по типу реакций на «ситуацию-испытание», в зависимости от чего формируется и соответствующий выбор: релокация или отказ от нее. В этом обнаруживается связь, более того, в зависимости от спектра реакции наблюдаются более однозначные, или напротив, размытые с точки зрения поведения группы выбор и действие.

Ключевые слова: IT-специалисты, релокация, теория градов, ситуация-испытание

Введение

В научной литературе последних лет одним из критериев полноценного развития той или иной страны признается наличие на рынке так называемых компаний-единорогов (unicorns). Это быстрорастущие высокотехнологичные стартапы с высокой рыночной капитализацией (от 1 млрд долл. в течение десяти лет с момента основания) [7, с. 8]. География их, с одной стороны, весьма обширна, с другой, имеет свою специфику и связана прежде всего с развитыми странами американского и европейского континентов (исключение составляет Сингапур, который является третьей по привлекательности для компаний-единорогов страной после США и Великобритании). Успех и само появление компаний-единорогов сильно зависят от международной миграции высококвалифицированных специалистов и предпринимателей, а также от миграции самих «единорогов». Таким образом, международная миграция в данном случае рассматривается как основной процесс технологического развития и инновационной активности отдельных стран. Более того, это является частью политики по привлечению иммигрантов в высокотехнологичные отрасли и созданию конкурентной и инвестиционной среды.

В связи с распространением компаний-единорогов и их вкладу в экономику тех или иных стран, исследователями выработана следующая типология: 1) страны привлекающие «единорогов», к таковым в первую очередь относят США и Великобританию, 2) создающие подобные стартапы своими силами (лидерами признаны Китай и Индия), и 3) наконец, теряющие всех, где основным критерием является рождение основателей единорогов, но не наличие таких компаний в стране. Первую строчку, по мнению аналитиков, в группе стран «чистых» экспортеров основателей единорогов (из 55 стран) занимает Россия, которая является своеобразным поставщиком высококвалифицированных кадров в другие страны. На практике это означает следующее: в России до сих пор нет своих компаний-единорогов, но именно эта страна дала 38 их основателей для других стран (или 3,9% из 3190 таких предпринимателей в мире) [7, с. 15].

Система образования играет одну из ключевых ролей, помимо ряда других факторов (привлекательная национальная предпринимательская экосистема для зарубежных основателей, развитые финансовый рынок

для высокотехнологичного бизнеса и системы венчурного инвестирования и т. д.), в организации и распределении международной миграции и создании благоприятных условий для появления устойчивых и прибыльных стартапов, каковыми являются компании-единороги. По этой причине включенность России до недавнего времени в международную систему Болонский процесс являлась в том числе источником подобной миграции и ее роста среди талантливой учащейся молодежи, о чем свидетельствуют, например, данные кросс-культурного исследования, проведенного в России, Белоруссии и Казахстане [3, с. 116].

Начавшаяся в 2022 г. специальная военная операция (далее СВО) на Украине и введенные против России международные рестрикции активизировали миграционные процессы, в том числе связанные с переездом специалистов IT-сферы, причем как разработчиков, так и технопредпринимателей. Согласно официальным заявлениям Минцифры РФ, число уехавших «айтишников» в 2022 г. составило примерно 10% от общего количества специалистов российских IT-компаний, или 100 тыс. чел. (всего из страны за 2022 г. уехало от 600 до 800 тыс. чел.¹). При этом некоторые наиболее оптимистичные эксперты утверждают, что 85% (есть и менее оптимистичная оценка – 30%) уехавших уже вернулись в Россию (глава IT-компании AWG Александр Хачиян), более того, по их оценке, была «утечка тел, а не мозгов». На практике это означало следующее: некоторые IT-специалисты продолжали работать в отечественных компаниях из-за рубежа, дистанционно. При этом уже сегодня предметом отдельных исследований является процесс реэмиграции, то есть возвращения IT-специалистов в Россию [8, с. 31–34].

Тем не менее потеря ценного стратегического ресурса, в качестве которого рассматриваются в настоящее время IT-специалисты, и тем более технопредприниматели, чья инновационная деятельность, как было показано выше, является сегодня критерием успешного развития той или иной страны, даже в незначительных количествах сказывается на возможностях страны, особенно участвующей в СВО. Поэтому единовременный отток в условиях СВО и санкций 100 тыс. IT-специалистов, пусть и частично вернувшихся, как утверждают эксперты, рассматривается нами как событие, имеющее тактическое и стратегическое значение для настоящего и будущего России.

Саму же проблемную область данной статьи мы видим не столько в фиксации и изучении явления международной миграции или релокации высокотехнологичных кадров, сколько в анализе тех мотивов, которые в одинаково складывающейся для всех «ситуации-испытания» (в терминологии Л. Болтански и Л. Тевено), одних специалистов заставляют соглашаться на переезд из страны, других, напротив, подталкивают к тому, чтобы остаться и работать, несмотря на возникшие трудности и повышенный риск.

¹ Данные разнятся по причине отсутствия единого подсчета уехавших и общей статистики. См.: Пахалюк К. А. Глобальные россияне выходят на транснациональную арену // Социодиггер. 2023. Март-апрель. Т. 4. Вып. 3–4(25). С. 5.

«Грады» в России или парадигма акторского действия?

Современные IT-специалисты, даже самого младшего поколения Z, наследники советского времени, чьи главные воспитатели – родители и/или дедушки/бабушки, впитали в себя культурные образцы той эпохи. В работе О. В. Аксеновой, основанной на изучении деятельности профессионалов от петровских времен до позднего СССР, мы встречаем важное наблюдение: советские культурные образцы по своей природе являлись глубоко архетипическими, характерными для более ранних периодов русской истории. На анализе нарративов о том, за что чаще всего наказывали детей в советских и русских семьях, социолог приходит к выделению позитивных, характерных для русского этноса ценностей. Это недопустимость лжи и ябедничества [1, с. 223], самохвальства («Я – последняя буква алфавита!»), признание скромности особого рода, когда твои заслуги признавались и оценивались другими, умение делиться с другими, что связывается автором не с воспитанием альтруизма, бездумной щедростью или с полным небрежением к частной собственности, а с ответственностью [1, с. 224]. Сохранялись долгое время также определенный традиционализм в семьях, ценностью являлось даже не образование, но образованность и поступки «по справедливости и по совести». Понятие совести, как внутреннего барометра нравственного чувства и одновременно с этим барьера «недостойного» поведения отвечает требованию со стороны родителей отстаивать свои убеждения, быть в этом смелым и не идти на сделки с совестью. Совесть, как и смелость, требовали поступка, оставаясь категориями сложными и не комфортными. Так воспитывала и русская классическая, и советская литература, вообще – советская культура.

В итоге проведенного анализа О. В. Аксенова пришла к выводу, что в течение как минимум трех веков в России в условиях модернизации сформировалась *особая парадигма управления*, а вместе с ней и *парадигма личности*, которую автор обозначает, как *акторскую*. Она основана на ведущей роли действующего субъекта в формализованной управленческой системе. Единство и эффективность этой системы составляют, казалось бы, два противоречащих друг другу свойства – *директивность и свобода действия*, но в работе подчеркивается, что именно это и обеспечивало, с одной стороны, результативность функционирования, с другой, высокий мобилизационный потенциал системы. В появлении актора рекурсивно участвует и система, и культура, в результате чего отмечается «культурная колонизация системы, или симбиоз системы и культуры» [1, с. 262]. По мнению социолога, это главное отличие российской системы от западной, где экспансия последней является довлеющей. Отсюда то, что нормативная база, инструкция там поощряются чаще, чем свободное действие, основанное на ценностях, «жизни по совести».

Релокация как конкретное действие на ситуацию-испытание (СВО и международные рестрикции) – это в том числе маркер того, сохраняется ли предшествующий симбиоз системы и культуры, или появился иной тренд и нарратив, связанный преимущественно с нормативной базой, и присутствует ли в том же качестве доверие к государственной системе.

В своей работе мы хотим остановиться на рассмотрении мотивов выбора IT-специалистов, которые возникают одновременно вместе и вразрез с существующей государственной системой, вызывающей/не вызывающей доверие. При этом нами не случайно используется теория градов Л. Болтански и Л. Тевено, которая, во-первых, позволяет учитывать значение кризисной ситуации («ситуации-испытания»), нарушающей установленный порядок, во-вторых, дает возможность сам момент выбора и решения, восстанавливающего этот порядок, рассмотреть через призму поиска компромисса в множественном влиянии различных факторов. По этой причине мы и выбор (уехать или остаться) понимаем как ответ на сложное сочетание не столько внешних факторов (например, требование компании о релокации), сколько условно личных, зависящих от окружения и тех конвенций «миров» (в терминологии Болтански и Тевено), то есть «совокупности людей и вещей, упорядоченных с точки зрения принципов того или иного града» [2, с. 116] (или парадигмы, как у Аксеновой). Французские социологи описывают модель социального устройства (град) через вариативность взаимодействия различных миров. Изначально они выделили шесть миров – мир вдохновения, домашний мир или мир семьи, мир рынка, мир промышленности, с его устремлением к технической эффективности, гражданский мир и мир репутации, где значимы популярность, мнение других, производимый эффект на них. Затем, изучая современное цифровое глобальное общество, с его экологической повесткой, добавили еще несколько миров: проектный и «зеленый» мир. Если «зеленый» мир для российской реальности пока не столь очевиден, то проектный, с его сетью многочисленных контактов и проектов, возникающих и осуществляемых благодаря интернету, вполне знаком.

Одна из задач нашей работы – ответ на вопрос, конвенции какого или, возможно, каких миров мотивируют релокацию у одних, и решение об отказе от переезда у других. При этом СВО и иностранные рестрикции мы рассматриваем как особую «ситуацию-испытание», являющуюся определенным водоразделом между ситуацией «до», не предполагающей никакого выбора и сохраняющей порядок, в рамках следования привычной норме, и ситуацией «после», когда происходит слом стабильного течения жизни и возникает необходимость восстановления его баланса, в том числе через поиск компромисса.

Привлекательным в теории Л. Болтански и Л. Тевено является для нас и то, что решение и конкретное действие возникают в результате определенного согласования конвенций различных миров, которые могут вступать друг с другом в противоречие и вызывать конфликт. Причем миры существуют не сами по себе, воспроизводство правил тех или иных миров осуществляют, согласно теории, вовлеченные в ситуацию разные существа (люди и вещи), что обозначается ими как диспозитивы. То есть нужно не только согласовать друг с другом различные конвенции миров, достигнув определенного компромисса в этом, но и уладить отношения с условно диспозитивными влияниями.

Компромисс, который достигается в результате согласования конвенций различных миров, как и само согласование происходит на стыке таких мыслительных операций, как критика и оправдание. Это может происходить в сугубо приватном пространстве, и в публичном, вызывая соответствующие дискуссии и обсуждение, участниками которых могут быть близкие и дальние, люди одного града, то есть общей модели социального устройства (или парадигмы, в терминологии Аксеновой), или двух-трех, отличных друг от друга, или имеющих смежные друг с другом, сходные черты. В подобных дискуссиях релокация может быть поводом для обсуждения, вызывая свои критику и оправдание.

В связи с обозначенной нами проблемной областью и поиском ответа на исследовательский вопрос, нами было предпринято качественное исследование непосредственно в момент «ситуации-испытания». Мы брали глубинные интервью у IT-специалистов разных статусных позиций как у решившихся на переезд, так и отказавшихся от релокации. Интервью у переехавших собирались нами с помощью современных средств связи, дистанционно. В итоге мы взяли 22 глубинных интервью с IT-релокантами, уже переехавшими в такие страны, как США, Великобритания, Китай, Германия, Нидерланды, Швеция, Аргентина, Сербия, Латвия, Армения, Узбекистан, и порядка 20 глубинных интервью с IT-специалистами, отказавшимися от переезда в другую страну. С последними преимущественно были личные встречи и тогда проводилось традиционное глубинное интервью. Еще 10 кейсов — это собранные в публичном пространстве, в личной переписке интервью (например, видео-интервью на YouTube канале «Это Осетинская», сама Е. Н. Осетинская признана иностранным агентом), высказывания, посты, выступления ведущих технопредпринимателей, как живущих и работающих в России, так и переехавших в связи с СВО за рубеж. В ходе проделанной работы мы собрали порядка 52 текстовых исследовательских материалов, анализ которых проводился с опорой на методику, предложенную А. Страусом и Дж. Корбин, в ее модифицированной версии, где акцент смещен с непосредственного кодирования на усиление стратегии анализа содержательной части.

В результате сбора интервью, где поиск респондентов происходил методом «снежного кома», сформировавшаяся выборка позволила нам разделить всех участников интервью на поколенческие группы (по типологии В. В. Радаева). Самыми юными участниками нашего исследования стали молодые люди в возрасте 22 лет. Это поколение Z. Старшевозрастные группы составили респонденты так называемого поколения застоя, самому старшему из которых на момент интервью было 68 лет. В исследовании приняли участие следующие специалисты IT-сферы: с позиции так называемого Junior Developer до Chief Product Officer¹. Это были сотрудники как

¹ Junior Developer (джуниор-разработчик) — это начинающий специалист с ограниченным опытом работы. Обычно у него от 0 до 2 лет опыта в программировании. Chief Product Officer (CPO) — это топ-менеджер, который возглавляет работу над продуктом в компании. Его главная цель — создать и развить продукт, который будет успешен на рынке и удовлетворит потребности клиентов.

зарубежных и совместных компаний, так и государственных корпораций. Они представляли такие направления IT-бизнеса, как: финансовые технологии (их оказалось примерно 40% от всех респондентов), информационная безопасность, робототехника и искусственный интеллект, аутсорсинг, страхование, продуктовые ритейлы, шеринговые сервисы.

Теоретико-методологические основания исследования

Несмотря на популярность в российском обществе дискурса о цифровизации и при декларируемом властями стремлении страны к переходу к высоким технологиям, связанным непосредственно с IT-сферой, мы обнаружили в научной литературе крайне мало эмпирических исследований, посвященных непосредственно изучению этой сферы и ее действующих субъектов. При этом очень много об информационной и цифровой эпохе [6], самой цифровизации [11], цифровой экономике [13], ее трансформации [14], об антропологических особенностях реализации [12] и внедрения в российскую реальность [5], есть в том числе и работы критического плана [4].

Наиболее значимым для нас исследованием, отвечающим как объекто-предметной области, так и теоретическому содержанию, является вышедшая в 2019 г. монография «Фантастические миры российского хай-тека». В ней авторы исследования излагают результаты кросс-культурного исследования, посвященного изучению технопредпринимателей России, Финляндии, Южной Кореи, Тайваня и их моделей поведения, влияющих на эффективность деятельности инновационных, высокотехнологичных компаний [9]. В качестве теоретической основы авторы использовали теорию градов Л. Болтански и Л. Тевено, прагматическая составляющая которой подходит для изучения представителей техно среды, склонных к сугубой рационализации окружающей их действительности. Следуя за успешным опытом, мы также решили остановиться на данной теории, взяв для себя из нее следующие положения:

1. Ситуация (а не процессы или социальные группы), и то, что индивид думает о ней, как реагирует на нее в действительности определяет его принадлежность к тому или иному классу или сообществу;

2. Реальность испытывается индивидом непосредственно с его участием, и только им. То, как он проходит те или иные испытания в итоге определяет возникновение новой для него реальности;

3. Сам индивид – участник сразу нескольких миров (мир вдохновения, патриархальный мир, мир репутации, гражданский мир, рынка, научно-технический), «то есть совокупности людей и вещей, упорядоченных с точки зрения принципов того или иного града» [2, с. 13] или, иначе говоря, той или иной модели социального устройства. В каждом из миров действуют свои установившиеся и проверенные временем конвенции, каждый из миров при этом имеет свою логику обоснования поведения и поэтому не

сводится к логике других миров. Выбор и предпочтение одного из миров во многом определяет следование соответствующей логике, рождая в том числе конфликт миров и поиск различного рода компромиссов. Например, патриархальный мир отличает то, что «порядок и согласие между людьми устанавливается через обращение к *роду, традиции и иерархии* (курсив здесь и далее – Болтански и Тевено)» [2, с. 261], а взаимоотношения между людьми «являются отношением порядка, когда существа принадлежат к одному *дому*» [2, с. 265]. Критика в таком случае направлена в первую очередь на себя, а не на других, что связано с ключевыми понятиями этого мира – ответственностью и иерархией. Казалось бы, довольно близок к патриархальному миру по своим конвенциям мир репутации, но в действительности нет, последний отличает «соперничество всех людей друг с другом в поиске уважения со стороны других людей» [2, с. 262], в патриархальном это происходит благодаря суждению о том или ином человеке вышестоящего лица, начальника. И подобные конвенциональные тонкости касаются каждого из миров;

4. Важно изучать не только проявления критики в обществе, но так как в нем наличествуют такие отношения, как любовь, дружба, при которых происходит отказ от просчета и подозрения, есть место самопожертвованию, снисхождению, то реализуются и практики оправдания [10]. Поэтому, когда задействуется «теория градусов», речь идет не о критической социологии, а о социологии критических способностей.

Первый срез кодирования был техническим и самым общим, направленным на выявление нарратива «Отношение к ситуации-испытанию, то есть СВО и санкциям». Внутри него мы анализировали основные реакции, сложившиеся по этому поводу в среде IT-специалистов. Второй срез касался тех нарративов, которые сообщали об основных мотивах релокации или, наоборот, отказа от переезда, внутри которого мы обращали внимание на то, какой из миров, логика и правила какого мира в итоге определяли решение об отъезде или о том, чтобы остаться. В результате это позволило нам выделить некоторые схожие поведенческие и этические модели для релокантов и оставшихся.

Результаты анализа

В интервью за редким исключением респонденты довольно мало высказывались о своем отношении к «ситуации-испытанию», то есть к СВО и антироссийским рестрикциям Запада. Чаще всего понять имеющийся у респондентов взгляд на происходящее в России можно было по косвенным признакам. Например, один из разработчиков, переехавший из Москвы в пригород Лондона, смог передать свое отношение к событиям в России опосредованно, через рассказ о своем впечатлении от интервью премьер-министра Великобритании Риши Сунака известному британскому журналисту Пирсу Моргану.

«Буквально на днях смотрел интервью Риши Сунака... Так вот, к Риши можно как угодно относиться, но на его месте примерно так же вел бы любой премьер – чиновник на службе у народа отчитывается за итоги года, приводит примеры успехов и провалов. Не стесняется называть имена оппонентов и отвечает на все вопросы. И журналист – давно забытое в РФ явление – старается его прожарить и подловить всячески, при этом сохраняя достоинство и не боясь потерять работу, свободу, жизнь, семью, состояние. Застанем ли мы при этой жизни что-то подобное в России? Что-то уже не верится» (Chief Product Officer, муж., 39 л., точка релокации Великобритания).

В данном и подобных этому случаях можно судить о негативной позиции и реакции на «ситуацию-испытание», где Россия представляется как страна без свободы слова и самовыражения, где присутствуют ложь со стороны чиновников (там «чиновник на службе у народа»), угнетение, давление. О чем-то схожем, но еще более завуалированно, с отсылкой только к эмоциям в другом высказывании релоканта:

«Я пока что буду жить здесь. Здесь я дышу каким-то относительно чистым воздухом и дышать мне никто не мешает. Как бы я здесь не чувствую тревоги, здесь я спокоен» (C++ Junior Developer, муж., 22 г., точка релокации Швеция).

Причем подобные суждения можно одинаково встретить как в интервью совсем юных, только начинающих IT-специалистов, так и крупных технопредпринимателей, уже состоявшихся в своей профессии и получивших признание в России:

«В России я начал привыкать, что каждый день может становиться значительно хуже. Когда я приземлился здесь (в Лиссабоне – прим. авт.), я почувствовал, что ушла какая-то огромная фоновая тревожность, которой я до сих пор не ощущал» (технопредприниматель на рынке онлайн сервисов по поиску специалистов, муж., 42 г., точка релокации Португалия).

Именно с чувством тревоги связывается пребывание респондентов в России, с условиями, где все напряженно, «трудно дышать», где «каждый день становится хуже». Спокойствие, безопасность и чувство защищенности в подобных нарративах выступают как базовые потребность и ценность, которые при этом обретаются за пределами России. Таким образом «ситуация-испытание» видится как будто в черно-белом спектре, где есть негативное «здесь» и положительное, жизнеутверждающее «там». Заметим, что подобное фразеологическое противопоставление здесь/там в том числе отличительная черта подобных нарративов. Критика в данном случае лежит в плоскости политического и направлена на действия российских властей, оправдание же, напротив, связано с политической организацией «там», с нероссийскими структурами государственной власти. Обоснованием к оправданию, как и к критике служит представление о справедливости, которое в данном случае основано на конкретном понимании

свободы, принадлежащем европейской культуре, отход от которого – главный признак несправедливости. Отсюда то, что единство возможно только в ситуации общей критики несправедливого, то есть российской власти, жестокой, авторитарной и недемократичной¹, и не менее общего оправдания противоположной стороны, являющей собой идеал справедливости. Такова общая логика именно этих нарративов, которые мы условно обозначили: *критика политического «здесь», и оправдание политического «там»: черно-белый спектр*. Причем мы рассмотрели реакцию на примере тех нарративов, для которых характерно оправдание Запада в целом и критика России, но в интервью присутствовала и противоположная точка зрения, при которой стороны менялись местами и тогда можно было говорить о *критике политического «там» и оправдании политического «здесь»*. Забегая немного вперед, заметим, что, как правило, подобной реакции придерживались IT-специалисты, отказавшиеся от релокации. Симптоматично, что и в этом случае выйти на данную позицию, выявить ее и озвучить было довольно трудно, она проявлялась, как правило, в ответах на иные вопросы, не об СВО и санкциях. Например, в одном из интервью с подобной реакцией мы встретились при вопросе об особенностях IT-бизнеса в России. Прозвучало это так:

«У нас большая часть айтишного сегмента – это аутсорсинг, когда мы работаем не на свою страну, а на страну-врага. В США такого нет. В Силиконовой долине работают только на себя. У них сильно развит стартап. Что-то придумать новое, что-то изобрести...» (ведущий разработчик, муж., 37 л., Санкт-Петербург).

В итоге мы видим все тот же черно-белый спектр и даже усиление критики, которая касается политики и ведения дел другой страны, в данном случае США, которая при этом названа страной-врагом. Ее образ хорошо просматривается в нарративе – это страна, которая работает только в своих интересах. Оправдание, как можно заметить, связано с Россией и ее образ, напротив, представлен как щедрой страны, раздающей другим свои возможности и ресурсы.

Хотя и в меньшей степени в интервью встречались развернутые ответы на ситуацию, где респонденты достаточно прямолинейно высказывались о происходящем в стране. Их отличает от приведенных выше нарративов не только отсутствие завуалированности позиции, но и сам ее характер. О событиях в России также говорится в негативном ключе, с осуждением принимаемых российской властью решений, но в анализ включаются в том числе знания о внешних факторах влияния, геополитических расстановках.

«Слушай, если повторять версию Путинскую или даже Лавровскую, мне уже, честно говоря, даже неприятно. Но я себе это так представляю, что наши западные партнеры вконец обнаглели и появилась угроза размещения ракет малой дальности на востоке Украины, реальная угроза. Это Лавров много говорил, и об этом еще речь шла в де-

¹ Заметим, что все это – субъективные суждения, интерпретация которых может быть абсолютно произвольной.

кабре прошлого года, что стратегический баланс нарушен, и такое оставлять нельзя. И уж были там эти ракеты или не были, но я так понимаю, что тут уже превентивный удар, чтобы они даже не думали о том, чтобы заигрывать с такими вещами. А денацификация, да кому она нужна? Восемь лет там были бандеровцы, правосеки, никому и дела до них не было, а тут вдруг вспомнили Донбасс. Всем выгодна была эта напряженность в России, потому что Украина находилась в состоянии нерешенных территориальных вопросов, никуда вступить не могла, ни в Евросоюз, ни в НАТО. Можно было еще 10 лет продолжать этот конфликт. Возможно, когда они начинали, у них было представление такое, как я сказал, что мы сейчас зайдем, нас цветами встретят, потом оказалось, что совсем не так. А теперь ситуация, когда отступить нельзя, уже дел наделали и просто так из этого уже не выйти, сухими из воды. Настолько это все бессмысленно, столько денег тратится, столько людей погибает. Всю нашу страну теперь на много лет вперед обрекли на какой-то экономический кризис непрерывный. Мне кажется, мы еще ничего не почувствовали, вообще ничего не почувствовали. Мы еще пока на остатках живем» (Software engineer, муж., 46 л., точка ре-локации Узбекистан).

Как можно убедиться из приведенного отрывка «ситуация-испытание» рассматривается такими респондентами как недалёковидность, нечестность, политическая близорукость российских политиков, но вместе с тем и как агрессивная политика западных партнеров, которые «вконец обнаглели». Такой крайний негативизм, где нет хороших и плохих сторон, как в первом случае (идеализированный Запад и отсталая, вызывающая постоянную тревогу Россия) здесь отсутствует, а есть негативизм каждой из сторон. Мы наблюдаем спектрально менее полярную картину мира и такой же взгляд на СВО. «Ситуация-испытание» в данном случае видится как политический промах всех ее участников. Даже заявленная денацификация российской стороной как цель СВО интерпретируется соответствующим образом. Характерно, что в подобных нарративах наблюдается отмежевание от российской власти («когда **они** начинали...») и при этом обозначается связь со страной, народом в целом («всю **нашу** страну...»). Критика здесь также, как и в первом случае, лежит в области политического, но касается обеих сторон, которые в равной степени ошибаются, неправы и поэтому одинаково несправедливы. Оправдание же относится прежде всего к народу, с которым происходит отождествление и смычка, на чьей стороне в том числе справедливость, проявляющаяся в незащищенности перед часто ошибающейся властью. Таким образом логика подобных нарративов такова, что справедлив тот, кто не защищен, и напротив, несправедлив – сильный, способный многое менять, но по разным причинам не делающий этого. Подобный нарратив мы условно обозначили, как *всеобщая критика политического: размытый спектр*.

Еще одной реакцией на события последних нескольких лет в России является желание отстраниться от «ситуации-испытания».

«Мне говорят, что я бросаю Родину, я вообще этого не понимаю, потому что эта война – это чисто политика, это не моя любовь к Родине. И, вообще, почему я должна радоваться, одобрять войну – я не очень понимаю. Почему я должна жить в России по этой самой причине, мне тоже непонятно (QA-специалист, жен., 30 л., точка релокации Швеция).

Дискурс в данном случае переходит из оценки действий политических сторон в плоскость рассуждений о долге. Отсюда то, что в подобных нарративах довольно часто возникает оборот «почему я должен/должна...», «я не должен/не должна». Вместе с постановкой исключительно этического вопроса о долге и долженствовании, как правило, в подобных нарративах появляется тема о природе войны («война – это чисто политика...»), этическая ее оценка («почему я должна радоваться, одобрять войну...»). Одним словом, этот и ему подобные нарративы мы обозначаем для себя как те, где возникает по-настоящему этическая постановка вопроса и соответствующая реакция, и в данном спектре ответов это – осуждение войны и взгляд на нее как на абсолютное зло, без оправдания. При этом нет и активного желания с этим бороться, выступать как-то против, скорее уход от ситуации, игнорирование имеющейся этической проблемы. По этой причине и релокация видится в буквальном смысле как физическая возможность выйти из сложившейся ситуации. Здесь критика касается самой войны, как особого общественного явления, в котором согласно природе ее возникновения (а природа политическая) нет и не может быть справедливости. Оправдание в подобных нарративах лежит в плоскости отрицания, осуждения войны, в принятии той позиции, что войны не должно быть. Тогда справедливым становится все то, что войну порицает, несправедливым, что ее оправдывает, благословляет и поддерживает. В этом смысле, как и в случае первых нарративов, происходит преобладание взгляда в черно-белом спектре, при котором есть две стороны: положительная – все осуждающие войну и тем самым поступающие справедливо, и отрицательная – поддерживающие ее. Эти нарративы мы условно обозначили, как *критика войны, без оправдания: черно-белый спектр*. Отметим, что в собранных интервью мы встретили и противоположную реакцию, где критика и оправдание выстраивались также вокруг этики войны, но имели обратный результат, как правило, у респондентов находились аргументы в оправдание войны на фоне незначительной ее критики. И несправедливым считались противоположные вещи. Подобные нарративы мы обозначили как *оправдание войны с незначительной критикой: черно-белый спектр*.

Есть еще одна группа нарративов, где реакция на СВО проявилась довольно специфическим образом. Например, уехавшие в США и работающие в компании Google, на вопрос об их отношении к санкциям против России и военном конфликте на Украине, в интервью отвечали следующим образом:

«Все санкции связаны со свободой перемещения. Сегодня я не могу прилететь в Россию, не могу, да и не хочу. Почему? Потому что барьер все выше, все дороже. Нужно придумывать обходные пути.

Состояние неопределенности довольно большое. Сейчас мне никто не разрешит работать в России. В противном случае, если бы я пожелал поехать в Россию, я вынужден буду брать здесь очень большой отпуск. Прежде я мог бы работать удаленно, сейчас я не могу работать так ни в России, ни в Китае. Такова политика компании, в том смысле, что политика компании запрещает мне это делать» (Middle engineer, руководитель проекта компании Google, муж., 36 л., точка релокации США).

Таким образом реакцию на СВО и санкции могут определять не только представления о политическом и соответствующие предпочтения в этом, не только взгляд на происходящее из «грамматик» града и мира вдохновения, но и вполне формальные вещи, как, например, политика компании. В итоге формируются паттерн поведения и такая позиция, при которых не остается собственной точки зрения, есть только условия и требования компании. Таким образом критика, если она формируется, то в соответствии с политикой работодателя, впрочем, и оправдание – его же прерогатива. Справедливым в данном случае считается то, что прописывается и считается таковым с точки зрения руководства компании, и не случайно, что в приведенном отрывке звучит, что респондент не стремится попасть в Россию. Происходит определенного рода слияние индивида с корпоративной этикой: сначала через систему запретов («не могу» – дорого, сложно, проблематично), затем и как собственное желание. В данном случае можно говорить о превалировании логики и конвенций мира рынка, отчасти репутации, где основными становятся вопросы о финансовых и репутационных рисках. Не случайно поэтому, что в подобных нарративах превалируют языковые обороты о деньгах и издержках.

Обратим внимание, что подобная позиция характерна не только для релокантов, которые, как кажется, вынуждены считаться с требованиями компании, но и для оставшихся в России. При этом реакция «оставшихся» не столь очевидна, как в первом случае, так как не продиктована корпоративной этикой, и проявляется в интервью так:

«Есть некоторые идейные, которые не приемлют новую политику России ни в каком виде, не видят ей оправдания. Есть такие люди. Я не собираюсь давать им оценку, потому что по-своему они считают себя правыми <...> В политике моя позиция пассивная больше, чем активная. Я бы не хотел, чтобы политика влияла как-то на мою жизнь. Разумеется, как у любого здравомыслящего человека, какие-то вещи мне совсем не нравятся, какие-то вещи считаю неприемлемыми, но дальше этой пассивности не иду. Пока мне это не мешает» (разработчик, муж., 46 л., Санкт-Петербург).

Как можно заметить, почти индифферентная, никак внешне не проявляющая себя позиция, продиктована уже не корпоративной этикой, за которой отчасти можно скрыться, остаться в тени, а сознательным выбором определенного удобства и комфорта («пока мне это не мешает»). Заметим, что критику не вызывают ни действия власти, ни те, кто их не приемлет. Ко всем лояльное, или, точнее, безучастное отношение. Справедливым

здесь является само благополучие частного характера, которое может быть нарушено исключительно более активной и ярко выраженной позицией. Данные нарративы в интервью мы обозначили, как *уход от критики и оправдания: размытый спектр*.

Мы выделили основные реакции наших респондентов на «ситуацию-испытание», которые удалось определить на основании собранных нами глубинных интервью. Возможно, есть и другие, которые могли бы проявиться при большем количестве интервью. Но и этих, по нашему мнению, вполне достаточно, чтобы сделать первый вывод о том, что сама «ситуация-испытание» прочитывается, казалось бы, гомогенной, схожей по многим параметрам (техническое образование, сфера IT и т. д.) группой неодинаково.

Мотивы действия и соответствующие поведенческие модели

Анализируя интервью, мы столкнулись с такой часто повторяемой респондентами мыслью, что IT-релокацию, которую активно стали обсуждать после 2022 г., сами «айтишники» наблюдали гораздо раньше, начиная приблизительно с 2014 г. Более того, практически каждому из опрошенных поступали неоднократные предложения о переезде в другую страну в течение всего этого времени. Поэтому выбор: уехать или остаться был скорее не одномоментным (вызванный СВО и санкциями), а постепенно подогреваемым в течение последних 8–10 лет. Это связано с тем, что основная часть российских IT-компаний работала преимущественно на иностранного инвестора и заказчика.

Важно, что для многих оставшихся в России опыт уехавших коллег за несколько лет до 2022 г. послужил примером и оказал влияние на окончательное решение об отказе от релокации в ситуации-испытании. Для одних, например, отрицательной стороной подобного опыта являлось то, что в интервью обозначалось, как дауншифтинг – невозможность оставаться. То есть первая релокация для большинства уехавших не стала окончательной, и они были вынуждены переезжать снова и снова в поисках лучших условий работы и качества жизни. Для других, имевших, например, представление о переезде коллег в Швецию, отрицательной стороной релокации являлась несоразмерность оплаты труда в этой стране и высоких налогов, получалось так, что, работая за, казалось бы, большие, чем в России, деньги, IT-специалисты не начинали в материальном плане жить лучше, так как основная часть дохода уходила на уплату высоких налогов.

Анализ собранных глубинных интервью показал, что одной из главных мотиваций релокации 2022 г. был страх мобилизации и участия в СВО, причем не только собственного, но и своих детей призывного возраста, тех сотрудников, которые числились на тот момент в фирме. В интервью можно было услышать следующее:

«Я совсем не понимал на тот момент, что будет с мобилизацией. И я решил, надо людей спасать. Я связался с инвесторами и, по сути, перевез всех сотрудников на деньги инвесторов, с нулевой выручкой на тот момент. Я сильно рисковал и весь переезд организовал практически за неделю» (технопредприниматель на рынке искусственного интеллекта по подбору недвижимости, муж., 34 г., точка релокации ОАЭ).

Важно, что при анализе интервью, по крайней мере тех, где основной мотивацией релокации 2022 г. озвучивался страх мобилизации, обнаруживалась связь с реакцией на «ситуацию-испытание», где в качестве таковой, как правило, выступала та, которую мы обозначили «критика войны, без оправдания: черно-белый спектр».

Помимо страха мобилизации и участия в СВО в качестве основных мотивов релокации нам удалось выделить:

- желание сохранить уже имеющийся проект, бизнес;
- кажущаяся респондентам бесперспективность в российской IT-сфере на ближайшие 10 лет, поиск перспектив;
- материальная выгода, нежелание терять имеющийся доход;
- идеологический, политический мотив;
- желание развития, «подтянуть» или выучить язык, быть в трендах, иметь доступ к зарубежным ноу-хау, «облакам», например, «Amazon», «Google», которые для российского пользователя теперь закрыты;
- желание интересной жизни, с путешествиями и многообразием впечатлений.

Важно отметить, что решение о релокации или отказе от нее во многом определялось семейным статусом. Одинокие или семейные, но бездетные, или с детьми дошкольного возраста, гораздо чаще соглашались на переезд, чем семейные пары с детьми-школьниками. Особую роль при этом играло то, насколько супруга или супруг имели возможность профессионально встроиться в новые условия жизни за рубежом.

«Я не поехал, потому что у меня тут родственники, семья. Жена там работу не нашла. В экономическом плане я бы потерял. В остальных планах, в бытовом, моральном плане тоже бы не приобрел. Лично я смысла не вижу. У меня трое детей. Есть родственники, которым я помогаю, пожилые родители. Там бы мне пришлось решать проблему с образованием. Например, в Армении, которая была одной из стран в качестве предложения, есть какие-то филиалы, какие-то хорошие армянские ВУЗы. Но это другая среда для детей» (разработчик-менеджер, муж., 45 л., Москва).

Семейным, имеющим детей (прежде всего школьного возраста) и престарелых родителей, родственников гораздо сложнее было принять решение о релокации. И в этом смысле все подобные нарративы указывают на конвенциональную связь с патриархальным миром, где чувство ответственности за близких, семью перевешивают все остальные значимые

связи и конвенции других миров. Заметим так же, что подобные нарративы чаще всего имели связь с реакцией на «ситуацию-испытание», которую мы обозначили, как уход от критики и оправдания: размытый спектр. Видимо, при значительном влиянии патриархального мира возможно сглаживание сугубо индивидуалистических позиций, они меньше проявляются и отходят на второй план. Критика в данном случае, как и оправдание во многом ослабевают, и основным становится прагматика повседневной жизни (в какую школу пойдет ребенок, в какой среде он будет учиться, сможет ли работать жена и т. д.).

Помимо семейного статуса на решение о переезде оказывала влияние профессиональная позиция респондента. Например, технопредприниматели, чей бизнес изначально был заточен на условия глобального рынка, или которые на него ориентировались (желая стать теми же «единорогами», как это отмечалось в интервью), гораздо чаще были готовы к переезду, чем простые исполнители или те же предприниматели, имеющие российские государственные заказы.

«Когда случилась война, пришло понимание, что из России я международный бизнес не построю в ближайшие пять лет. И я подумал, что надо уезжать» (технопредприниматель на рынке искусственного интеллекта по подбору недвижимости, муж., 34 г., точка релокации ОАЭ).

Примечательно, что в одном и том же нарративе могли встречаться сразу несколько мотивов к переезду, например, как в том, где был и страх мобилизации сотрудников, «надо спасать», и исключительная конвенция мира рынка, ясное понимание того, что возможность международного развития в результате СВО и рестрикций на долгие годы будет закрыта. Разные логики миров в итоге сошлись, оказались едины в стремлении респондента работать глобально, и отвечали, как это не парадоксально, в том числе в негативной точке ухода от мобилизации, в критике войны изначальным и глубинным желанием опрошенного. То есть в каком-то смысле «ситуация-испытание» простимулировала те действия, стремление к которым присутствовало и ранее, но в стабильных условиях, например, у субъекта не хватало решимости. Более того, отдельные технопредприниматели, особенно те, кто уже работал на глобальном рынке, давая оценку сложившейся в своем IT-бизнесе ситуации, отмечали, что СВО и рестрикции в смысле ориентации развития ничего не поменяли, даже, напротив, ускорили некоторые естественно происходящие процессы.

«Изначально глобальный софтовый бизнес интереснее, чем локальный, поэтому СВО мало что здесь поменяло. Поэтому для нас этот процесс и так происходил органично, какой-то процент фокуса смещался в сторону глобала. Никак это опять же не связано ни с событиями, ни с политикой, просто потому что там рынки больше, там емкость больше, и поэтому это естественный процесс. В России мы уже достаточно большие и есть проблемы с емкостью, а там проблем с емкостью нет, там бескрайние просторы» (технопредприниматель в сфере IT-оптимизации малого и среднего бизнеса, муж., 43 г., точка релокации США).

Таким образом, в отдельных случаях «ситуация-испытание» воспринималась не только как определенная сложность и суровая необходимость, но и как момент роста и развития. И в некоторых таких нарративах просматривалась опять же связь с реакцией на «ситуацию-испытание», которую мы обозначили, как уход от критики и оправдания: размытый спектр. То есть открытое избегание критики и оправдания в определенном смысле давало в том числе простор для осмысления ситуация в позитивном, отчасти перспективном для себя ключе.

Решение об отказе от релокации в собранных нами интервью сопровождалось и таким обоснованием:

«Не хочется переезжать. Не хочется ехать туда, где ты будешь человеком второго сорта. Чтобы твои дети там учились и узнавали, что Вторую Мировую войну развязали Гитлер и Сталин, а американцы всех победили» (разработчик, муж., 35 л., Югра).

Речь в подобных нарративах прежде всего идет о сохранении достоинства, а также о воспитании детей в соответствующей исторической памяти. Подобные нарративы отличает логика, свойственная и придерживающаяся конвенций гражданского и патриархального миров. Симптоматично, что подобные высказывания, как правило, обнаруживали связь с реакцией на «ситуацию-испытание» у респондентов, которую мы обозначили, как критика политического «там», и оправдание политического «здесь»: черно-белый спектр. По сути, это сообщество русских патриотов среди айтишников, которые совсем не готовы и не стремятся уехать.

Важно, что подобные сюжеты имеют место и среди технопредпринимателей, оставшихся в России и продолживших свой бизнес здесь. Рассуждая о том, почему в столь непростых условиях они остаются и действуют, респонденты говорили о разных мотивах, но чаще всего апеллировали к прошлым и будущим поколениям советских и российских ученых, видя в их достижениях и для себя большие возможности остаться в истории страны, стать частью этой цепи. В частности, одним технопредпринимателем вспоминается культовые советские книга и фильм «Иду на грозу» и слова советского физика Л. Д. Ландау:

«Ландау в фильме говорит: «Работать только на сегодняшний день, избегать тем, видящих на десятилетия вперед, – это типичное браконьерство...». Тогда поднимались после Мировой войны. Сегодня молодое поколение изобретателей и ученых поднимается после потребительского морока перестройки, всемирной потери смысла существования и возможности встать над обыденностью и увидеть жизнь на несколько десятилетий вперед... Мы также идем на грозу!» (технопредприниматель в сфере робототехники и искусственного интеллекта, жен., 60 л., Москва).

Как можно заметить, по своему оптимистичному настрою и ориентации в будущее подобные нарративы весьма близки тем, что были продемонстрированы выше и которые принадлежат технопредпринимателям-релокантам, нацеленным на глобальное развитие, с той только разницей, что выбор конвенций и миров существенно различается: в случае

остающихся это преимущественно мир вдохновения, в случае уехавших мир рынка, и это значительно меняет поведенческие модели и стратегии. Важно, что парадигма акторского действия О. В. Аксеновой работает, когда мы сравниваем мнения респондентов, учитывая их возраст и поколенческие особенности. Возрастные технопредприниматели и специалисты поколения застоя демонстрируют следы акторской позиции, где важны ценности и идеалы ушедшей эпохи, и связь с предыдущими поколениями ученых, советских и более ранних. IT-специалисты, чей возраст 24–40 лет, и кого принято относить к поколению миллениалов, в отдельных случаях, чаще поздних миллениалов, также свидетельствуют о важности преемственности поколений, но в ином ракурсе, как необходимость не быть человеком второго сорта и сохранять свою историческую память. То есть она от чувства «не хочу быть», у возрастных же от «хочу быть, как Ландау», «как мой отец физик», «как мой педагог по университету» и т. д. Респонденты поколения молодых миллениалов и Z меньше всего говорят об имеющихся ценностях и о желании сохранения преемственности с предыдущими поколениями, в том числе ученых, инженеров, айтишников. В их риторике главное – успех, быть на «острие прогресса», «быть в проекте» (проектный мир, рынка, репутации). Возможно, это объясняется возрастом и к поколенческим особенностям не относится. Для этого стоило бы провести отдельное исследование. Но уже сейчас можно отметить, что тот капитализм, который определяет рост экономики и развитие страны наличием компаний-единорогов, привлекая к этому в том числе талантливых мигрантов, в меньшей степени ориентирован на сохранение преемственности и, будучи заинтересованным в акторе – технопредпринимателе, IT-специалисте, не ждет от него тесной связи со своей родиной и ее прошлым.

К выводам

Проведенное качественное исследование, с использованием авторской модификации теории градов Л. Болтански и Л. Тевено, позволило рассмотреть IT-релокацию 2022 г. определенным образом, выделив основные реакции IT-специалистов и технопредпринимателей на «ситуацию-испытание», каковой стали начавшаяся СВО и международные санкции, и проследить, какие грамматики градов и конвенции каких миров становились определяющими в выборе релокации или отказа от нее. В результате проделанного анализа мы получили таблицу 1, где наглядно представлена взаимосвязь между реакцией на «ситуацию-испытание» и наиболее характерными в связи с этим сценариями действия.

Для обозначения имеющихся различий в реакциях специалистов IT-сферы на «ситуацию-испытание» мы использовали понятие спектра, выделяя черно-белый и размытый, подразумевая, что в первом случае в реакции присутствуют крайние точки, во втором, напротив, нивелировка крайних позиций. Сама разработка типологии, пусть и довольно простой, является так же результатом проделанной нами работы в новой пока для отечествен-

ной социологии теме IT-релокации. В итоге мы выделили четыре основные реакции IT-специалистов на «ситуацию-испытание», в которых соответствующим образом звучали свои критика и оправдание, отразились представления о справедливом и несправедливом (о чем довольно подробно говорится в основном тексте статьи). Здесь же мы хотим обратить внимание на то, что в результате проделанной работы IT-сообщество, гомогенное по ряду признаков, оказалось неоднородным и кластеризованным. Еще одним важным результатом проведенного исследования стал вывод, что наиболее однозначные, условно «черно-белые» реакции приводили к соответствующему однозначному выбору (релокации или отказу от переезда), а условно размытые реакции, менее радикальные по своей позиции, напротив, не всегда давали четкое представление и не всегда имели связь с тем, каким же в итоге оказывался выбор. В группах с подобными реакциями в равной степени наблюдался как отказ от релокации, так и переезд.

Таблица 1 (Table 1)

**IT-релокация 2022 года как реакция на «ситуацию-испытание»
и соответствующий сценарий действия**
*IT relocation 2022 as a response to a “test situation”
and the corresponding action scenario*

	Реакции на «ситуацию-испытание», санкции и СВО	Превалирующий сценарий в IT-сфере
I а	Критика политического «здесь», и оправдание политического «там»: черно-белый спектр	Релокация
I б	Критика политического «там», и оправдание политического «здесь»: черно-белый спектр	Отказ от релокации
II	Всеобщая критика политического: размытый спектр	В равной степени наблюдается как отказ от релокации, так и переезд
III а	Критика войны, без оправдания: черно-белый спектр	Релокация
III б	Оправдание войны с незначительной критикой: черно-белый спектр	Отказ от релокации
IV	Уход от критики и оправдания: размытый спектр	В равной степени наблюдается как отказ от релокации, так и переезд

Отказ от релокации чаще всего был связан с преобладанием значения конвенций гражданского и патриархального миров. Для успешных в России технопредпринимателей это было сопряжено так же с миром вдохновения, с возможностью действовать в новых, нестандартных для себя условиях, какими воспринимаются ими СВО, рестрикции и вызванные ими экономические проблемы, то есть сама «ситуация-испытание». Релокация и согласие на нее сопровождалась своим набором критики и оправдания. В этом смысле при разном их наборе можно заметить то общее, что объединяет и релокантов, и оставшихся: у каждого из них есть свой аргумент в пользу сделанного выбора.

Библиографический список

1. Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: ИС РАН, 2016. 304 с. EDN: VYBENV.
2. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: НЛЮ, 2013. 576 с.
3. Ефременкова М. Н., Муращенкова Н. В. и др. Представления о настоящем и будущем страны как фактор эмиграционной активности студенческой молодежи: кросс-культурный анализ // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 1. С. 111–131. DOI: 10.17759/sps.2023140107; EDN: TZILKW.
4. Иванов Д. В. Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. № 26(3). С. 7–35. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.3.1; EDN: YLSMCN.
5. Исследование поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/Oe8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf (дата обращения: 03.07.2024).
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
7. Куценко Е., Тюрчев К., Остащенко Т. Релокация как драйвер инновационной активности: глобальное исследование международной миграции основателей компаний-единорогов // Форсайт. 2022. № 16(4). С. 6–23. DOI: 10.17323/2500-2597.2022.4.6.23; EDN: TIEJKB.
8. Социодиггер. Март–апрель. 2023. Т. 4. Вып. 3–4(25).
9. Фантастические миры российского хай-тека / Ред. О. Бычкова. СПб.: ЕУ в СПб., 2019. 416 с.
10. Хархордин О. В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 32–42. EDN: NYUQHP.
11. Negroponte N. Being Digital. N. Y.: Knopf, 1995. 256 p.
12. Skinner C. Digital human. The fourth revolution of humanity includes everyone. Marshall Cavendish International (Asia) Pte Ltd, 2018. 328 p.
13. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. N. Y.: McGraw-Hill, 1994. 368 p.
14. Weill P., Woerner S. Digital business transformation. Harvard Business Review Press (USA), 2018. 260 p.

Получено редакцией: 03.07.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лебедева Ольга Николаевна, аспирант

Подлесная Мария Александровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения регионов России

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.11

Peculiarities of Motivations of IT Specialists in Crisis Conditions

Olga N. Lebedeva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

aka.sonja@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8565-1109

Maria A. Podlesnaia

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

yamap@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2159-4958

For citation: Lebedeva O. N., Podlesnaia M. A. Peculiarities of motivations of IT specialists in crisis conditions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 213–234. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.11; EDN: SOSOTI.

Abstract. The article analyzes the data of a qualitative research conducted by the authors at the time of the “testing situation”, i.e. the beginning of the SWO and the subsequent anti-Russian restrictions, among IT specialists and technopreneurs who faced a choice: to stay in Russia or to move to another country after their employer (or with their business). As a theoretical basis of the study we used the grad theory of L. Boltanski and L. Teveno, which made it possible to identify appropriate reactions to the resulting “situation-test”, with reasoned criticism and justification, with perceptions of fairness, as well as to identify the main motives contributing to the move or, on the contrary, leading to the refusal of it. The article attempts to identify the relationship between the reaction to the “situation-test” and the action (relocation or refusal of it) that the respondents eventually took. The authors collected 52 research materials, of which 42 were in-depth interviews with IT specialists relocated (22) and those who remained in Russia (20), and another 10 were interviews, statements, posts, and speeches of leading technopreneurs living and working both in Russia and those who moved abroad due to the SWO. As a result of the analysis of the collected data, the authors made the following conclusions: a group of IT specialists, homogeneous by a number of characteristics, is clustered by the type of reactions to the “situation-test”, depending on which the corresponding choice is formed: relocation or refusal of it. This reveals a connection; moreover, depending on the spectrum of reactions, more unambiguous or, on the contrary, blurred in terms of group behavior, choices and actions are observed.

Keywords: IT specialists, IT relocation, theory of cities by L. Boltanski and L. Thévenot, “test situation”

References

1. Aksenova O. V. Paradigm of social action: professionals in Russian modernization. Moscow, IS RAN, 2016: 304 (in Russ.). EDN: VYBENB.
2. Boltanski L., Thevenot L. *Kritika i obosnovaniye spravedlivosti: Ocherki sotziologii gradov* [Criticism and justification of justice: Essays on the Sociology of “Worlds”]. Moscow, NLO, 2013: 576 (in Russ.).
3. Efremenkova M. N., Murashchenkova N. V. et al. Perceptions of the Present and Future of the Country as a Factor of the Emigration Activity of Student Youth: CrossCultural Analysis. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2023: 14 (1): 111–131 (in Russ.). DOI: 10.17759/sps.2023140107; EDN: TZILKW.
4. Ivanov D. Critical theory of digitalization: algorithmic rationality domination and authenticity revolt. *Zhurnal sotziologii i sotzialnoy antropologii*, 2023: 26(3): 7–35 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2023.26.3.1; EDN: YLSMCN.
5. The study of behavioral and institutional prerequisites for the technological development of the regions of the Russian Federation. Accessed 03.07.2024. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russiapdf (in Russ.).
6. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information era: economics, society and culture]. Moscow, GU VSHE, 2000: 608 (in Russ.).
7. Kutsenko E., Tyurchev K., Ostashchenko T. Relocation as a Driver of Innovative Activity: A Global Study of Unicorn Founders' Migration. *Forsait*, 2022: 16(4): 6–23 (in Russ.). DOI: 10.17323/2500-2597.2022.4.6.23; EDN: TIEJKB.
8. *Sotsiodigger*. Mart–aprel'. 2023: 4: 3–4(25) (in Russ.).

9. Fantastic worlds of Russian high-tech. Ed. by O. Bychkova. St. Petersburg, EU v SPb., 2019: 416 (in Russ.).
10. Kharkhordin O. V. Pragmatic turn: sociology of L. Boltanski and L. Thévenot. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2007: 1: 32–42 (in Russ.). EDN: HYUQHP.
11. Negroponte N. Being Digital. New York, Knopf, 1995: 256.
12. Skinner C. Digital human. The fourth revolution of humanity includes everyone. Marshall Cavendish International (Asia) Pte Ltd, 2018: 328.
13. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York, McGraw-Hill, 1994: 368.
14. Weill P., Woerner S. Digital business transformation. Harvard Business Review Press (USA), 2018: 260.

The article was submitted on: July 3, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga N. Lebedeva, graduate student

Maria A. Podlesnaia, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher at the Center for the Study of Russian Regions